

ФИКУС ЗНАЕТ ПРАВДУ

Шеф
на переговорах
в Дубае ☀️

План
Б

ШОРТ-ЛИСТ
ЛитРес
«Со слов очевидцев»

ДУБАЙ
БУДУЩЕЕ УЖЕ ЗДЕСЬ

ИНВЕСТИРУЙ
В МЕЧТУ

ПРОЕКТ
ДУБАЙ

АВРОРА
ДЕВЕЛОПМЕНТ

Инвестор?

Фигус
всё видит

АЛЕСЯ КУЗНЕЦОВА

Она ненавидит неприятности.
Неприятности обожают ее выбирать.

Дарина Шторм. Иронические детективы Алеси Кузнецовой

Алеся Кузнецова
Фикус знает правду

«Автор»

2026

Кузнецова А.

Фигус знает правду / А. Кузнецова — «Автор», 2026 — (Дарина Шторм. Иронические детективы Алеси Кузнецовой)

Дарина Шторм умеет держать офис под контролем. Документы — по папкам. Людей — в тонусе. Тайны — при себе. Ее шеф регулярно «в Дубае на переговорах», и Дарина виртуозно прикрывает легенду. Пока однажды в офис не врываются полиция и журналисты. А через несколько часов приходится уворачиваться от вопросов майора, с которым ее связывает лишь одно неудачное свидание. И от мысли, что тело нашли в отеле ее любимого серба Зорана. Деньги ушли через Грузию. Проект в Дубае слишком красив, чтобы быть правдой. А завещание, которого, возможно, не существует, уже обсуждают на телевидении. Дарину пытаются сделать удобной виноватой. Но разве можно победить женщину, которая годами жонглировала чужими секретами? Даже если единственный, кто в нее верит, — это не Зоран, как вы подумали, а зеленый молчун в кабинете. Иронический детектив об офисных тайнах и о том, как легко оказаться крайним, если ты слишком хорош в своем деле. "Фигус знает правду" — 1я книга серии «Офисные убийства и другие недоразумения».

© Кузнецова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вечер пятницы	5
Глава 2. Шторм	10
Глава 3. Номер 312	14
Глава 4. Мастер дипломатии, лжи и кофе без сахара	19
Глава 5. Утро понедельника	23
Глава 6. Фигус тоже не ожидал	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алеся Кузнецова

Фигус знает правду

Глава 1. Вечер пятницы

Каждый из нас куда-то убегает. Вот мой шеф, например, каждые полгода тайно уезжает в хижину на Ладого, больше похожую на берлогу медведя. В это время я всегда очень убедительно вру о том, что он на сложных переговорах в Дубае. И поскольку каждые шесть месяцев мне приходится о чем-то рассказывать офису, я завела блокнотик, где помечаю, о чем врала в прошлый раз. Очень удобно, чтобы не запутаться.

В общем, у нас там, вроде как, большой инвестиционный проект по поводу застройки побережья, и первые переговоры прошли успешно, потому что наш шеф — ого-го. А вы думали. Скоро уже и на самом деле пойдут те самые большие проекты, о которых менеджеры среднего звена рассказывают клиентам, как мы и учим их на планерках, совещаниях и в курилке. Я, правда, очень убедительна и сообщаю это все с видом: «только тебе по большому секрету, смотри не проболтайся до времени».

В такие дни наш офис гудит, словно улей в момент тревоги. А я преспокойно пью кофе, сверяясь с блокнотиком.

Сегодня шеф снова уехал на Ладого. Придется что-то срочно придумывать про Дубай. Обычно я заранее читаю и вспоминаю, на чем мы остановились, но в этот раз он уехал внезапно, и времени подготовиться не было. Ладно, справлюсь, конечно.

Да и сегодня точно можно не волноваться, а за выходные я освежу в памяти детали «сделок». Ну кто может интересоваться каким-то проектом в Эмиратах, когда на календаре пятница и шефа уже нет в офисе? Честно говоря, изначальная версия была про Саудовскую Аравию, но потом я запуталась и сказала про Эмираты. Пришлось соображать на ходу, что в Аравии не пошло и шеф полетел в этот раз в Арабские Эмираты. Вот тогда я и завела блокнотик, чтобы больше не попадать в такие передраги. Ты же знаешь, твоя Дарина держит марку.

Я закинула ногу на ногу, довольно улыбнулась и продолжила свой рассказ.

— Главное не перепутать, понимаешь. И всегда лучше заранее почитать и вспомнить. Вот как назло — все вылетело... Что я там говорила в прошлый раз? Вроде про то, что инвесторы найдены и землю на берегу Персидского залива мы уже получили... Не знаешь, что там можно делать через полгода после этого? Хотя, конечно, откуда тебе знать про такое. Ты же дальше нашего города и не выезжал ни разу. Честно говоря, в Эмиратах я тоже не бывала... В отличие от той же Марины. Каждый раз, когда что-нибудь рассказываю про Дубай, Марина гладит свои холеные длинные пальцы в кольцах и напряженно смотрит мне в переносицу. Ну что за привычка? Вот тебе же не придет в голову буравить взглядом место, где у меня нос в лоб переходит?

Я пожалала плечами, демонстрируя снисходительность к слабостям Марины, и подошла к стеклянной стене, за которой жил большой город. Всем, конечно, интересно — какой? Да какая, собственно, разница, если такая же история сейчас может происходить во всех больших городах мира, где люди уверенно строят свой бизнес, начиная с самого нуля, и поднимаются, виляя красивыми бедрами, к самым вершинам своих империй. Надо бы, кстати, записаться в тренажерный.

Но не буду отвлекаться, ты прав. Впрочем, если уж говорить о совпадениях и побегах — у нас в офисе в этом смысле все поставлено на поток.

Больше всех вопросов о проекте задает Светлана. Ее кабинет этажом выше, прямо напротив приемной шефа, и каждые полгода она тоже куда-то уезжает.

Я всем уверенно вру, что работа у Светланы непредсказуемая, и четкий график заранее выстроить сложно. Многие думают, что Светлана тоже это время проводит в Дубае, хотя она и говорит всем, что едет к сестре в Хабаровск помогать смотреть четверых детей во время сессии мужа.

К получению второго высшего в таком возрасте все относятся с уважением, в крайнем случае — с пониманием. А при наличии четверых детей и вообще грех отказывать в помощи. По крайней мере, в этом уверена вся наша бухгалтерия, и самое главное — муж Светланы: высокий худощавый Светозар, инструктор по йоге.

При упоминании о сестре Светы Светозар всегда морщится. И оно понятно: что может связывать его стройную, привыкшую питаться лучами солнца и сплошь полезными травами Светлану и вполне себе земную пышногрудую кучерявую брюнетку с оравой орущих детей. Тем более что познакомились Света со Светозаром на фоне общего увлечения бодипозитивом.

Но Светлана говорит, что помощь нуждающейся сестре — это хоть и не самая приятная на свете вещь, но зато точно следующая ступенька ее эволюции. А духовное развитие жены, опять же, очередной плюрик в карму Светозара. И подписчики его такого же мнения. Поэтому отпускает Светозар свою дражайшую половину всегда со спокойной душой: все-таки благое дело, хоть и не для самых развитых родственников.

Я открыла соцсети и проверила, ушел ли мой комментарий о том, что Светозар почти святой человек, если думает о четверых хабаровских племянниках жены больше, чем о себе самом.

Кстати, что бы там кто ни думал, Светлана действительно проводит неделю с сестрой — вот только не в условиях сурового края, где остается на хозяйстве муж сестры, а в пятизвездочном отеле «супер-все-включено» между Мармарисом и Кушадасами.

С тех пор как Светлана вышла замуж за познавшего дзен и что-то там еще Светозара и начала, как и муж, питаться лучами солнца, полезной травой и какими-то орехами, поездки к сестре — или, точнее, с сестрой — стали носить регулярный характер и значительно улучшать качество ее замужней жизни.

Я посмотрела на часы. Пятница уверенно клонилась к вечеру, а офис начинал пустеть. В дверь заглянула уборщица и тут же, извинившись, ретировалась. Она знает, что я по пятницам не ухожу раньше восьми, но всегда заглядывает ближе к семи, чтобы и я не сомневалась, что в это время она на работе.

В общем, от Светланы ждать вопросов не придется. Сестре снова резко понадобилась помощь, и она вот уже три дня как самоотверженно готовит веганские завтраки в «не приспособленной для людей их уровня развития хабаровской глубинке». Фотка, кстати, на аватарке зачетная. Даже я не сразу поняла, что монтаж. А девочки из бухгалтерии сразу стали писать, чтобы и им купила такие шапки. Но я сразу сказала: разве ей будет там время с четырьмя детьми? Женщины наши напряглись и снова вернулись к гипотезе, что Светлана укатила в Дубай. Особенно когда сегодня утром я внезапно объявила, что шефу пришлось улететь к арабам на переговоры.

— Ну что, не бывает в жизни совпадений? Как видишь, бывают. Если бы мне было на кого оставить наш офис, я бы, может, тоже улетела. Как открыла кэш Светланиного компьютера и увидела цену на горящий тур, прямо пожалела, что не на кого оставить. Но, как говорится, наша служба и опасна, и трудна... Но телефончик Светиной турфирмы я на всякий случай переписала. Так что со Светланой проблем не будет, ей сейчас точно не до вопросов про переговоры.

А вот Марина Викторовна... она же Марина с личным кабинетом напротив приемной шефа. Та могла бы спросить, но в этот раз точно не будет.

В курилках ее все зовут за глаза «подарочная Марина». И это не потому, что она делает подарки, а потому, что ее саму нам подарили в нагрузку к кредиту на хороших условиях. Как

когда-то еще при Союзе: при покупке чего-то нужного обязательно давали в нагрузку что-то ненужное. По крайней мере, именно так бабушка объясняла наличие трехтомника про аграрные успехи Кировской области в домашней библиотеке.

Так вот, Марина Викторовна числится у нас директором по связям с общественностью и главным переговорщиком, но, как ты уже понял, должность у нее совершенно фиктивная. С таким же успехом переговоры мог бы вести и ты. Представь только: яркая загорелая блондинка с перспективным мужем, банкиром, кстати, двумя чудными детишками... Ну стоит ли ей обременять себя ненужными действиями. Подсказываю: правильный ответ — не стоит.

И кто станет, собственно, осуждать? На ее месте я бы делала точно так же.

Но я не на ее месте, а на своем. И мне снова придется врать ее мужу, что возникла производственная необходимость отправить ее в командировку. Это Маринка думает, что муж ею очарован по-прежнему и верит каждому слову идеальной жены.

На самом деле каждые две недели, когда Маринка говорит мне, что ей придется взять отгул, чтобы отвезти детей... неважно куда — за последний год я слышала разные варианты про врачей, соревнования, бабушку и даже попугая, — нам всегда звонит ее дорогой супруг и выясняет, неужели действительно было так необходимо именно его ненаглядную Марину Викторовну отправлять в командировку в соседний город и неужели у нас не нашлось других сотрудников, не отягощенных материнскими обязанностями и статусным мужем.

Ты представляешь, что было бы, если бы трубку взял кто-то другой? С тех пор я слежу за тем, чтобы его звонки всегда переключали исключительно на меня.

Я покосилась на телефон, настойчиво вибрирующий на столе.

— Подожди минутку, надо ответить, — сказала я и подмигнула своему собеседнику. — Спорим, Маринкин муж?

— Компания «Аврора Девелопмент», слушаю вас, — я придала голосу максимально рабочий тон, несмотря на вечер пятницы. — А, это вы, Борис Эдуардович... Прекрасно понимаю вашу обеспокоенность и полностью с вами согласна. Последнее дело — мать в командировку отправлять. Да еще и на выходные.

Моя пауза была ровно такой, чтобы он не успел перебить.

— Но, к сожалению, бизнес-процессы не остановить. Тем более сейчас, когда мы буквально на взлете. Да и Марина Викторовна у нас самый ценный и перспективный переговорщик по сложным вопросам. Ну кто, если не она?

Я снова подмигнула первому собеседнику и продолжила разговор по телефону, еще более доверительно:

— Вы же знаете, бывают такие клиентки, с которыми только ваша супруга может справиться. Если к мужчинам еще можно направить нашего юриста, то с женским контингентом... тут нужно очарование Марины Викторовны и ее дипломатичность. Если бы дела компании не требовали ее личного присутствия, мы бы никогда не отправили ее в эту командировку. Мы очень ценим, Борис Эдуардович, ваше понимание. Как раз сегодня с шефом обсуждали, как нам повезло, что вы порекомендовали нам Марину Викторовну.

Я всегда умела успокоить Гранова. Потому что главное — говорить чуть больше, чем нужно. Не оправдываться — это плохая стратегия. А вот болтать — самое то. Создавать ощущение бытовой ерунды. Чтобы эта командировка выглядела такой же естественной, как дождь с утра или очередной рост цен на яйца.

В этот раз я даже вспомнила вслух, что в этом же городе сегодня ажиотаж вокруг очередного гуру.

— Светозар, кажется, — добавила я небрежно.

В голосе Бориса Эдуардовича прозвучало удивление, что я и тут «в теме». А я, не давая ему вернуться к командировке, спохватилась:

— Ой, с этим Светозаром вообще история вышла. Чуть не подставился бедолага. Лекция, толпы у отеля, а какие-то пранкеры решили разыграть — написали, что его жена якобы не в Хабаровске, а укатила на море с кавалером. Ну и он закипел, естественно. Никакая просветленность не помогла. Это хорошо, что у меня жених управляющий в том отеле. И мы с Зораном вовремя вмешались. Спасли Светозара от публичного скандала и только что тихо вывезли из города. Пранкеры уверены, что все сработало и он уже мчится в Хабаровск, где поджидают их коллеги с камерами, а на самом деле — после видеозвонка с женой наш гуру сейчас подъезжает к своей квартире.

Я для убедительности своих возможностей добавила:

— Похоже, прямо сейчас должен уже мимо нашего офиса проезжать.

В начале голос Бориса Эдуардовича был напряженный — впрочем, для человека его уровня к концу рабочего дня это нормально. Зато в конце он уже смеялся вместе со мной над просветленным ревнивцем и не вспоминал о командировке жены.

Я, конечно, не стала рассказывать, чего нам с Зораном стоило организовать тот видеозвонок. И где именно Света умудрилась раздобыть в Турции зимнюю шапку. После хаммама лицо у нее было красное, и в шапке на фоне хабаровской зимы, скачанной из интернета, она смотрелась как с мороза. Зоран потом мне скрины прислал.

В этом мы с моим сербом были точно похожи и умели действовать быстрее, чем остальные успевали сообщить.

Я не стала уточнять Борису Эдуардовичу, что жена этого гуру у нас вообще-то работает главным бухгалтером и Светозар даже пару раз нам приносил веганские пирожные. Не знаю, кстати, в курсе ли Борис Эдуардович, что его подписки в соцсетях вообще-то видны всем, и я не просто так стала болтать именно про Светозара. Потому что если бы он был подписан на какого-нибудь актера, я бы точно так же стала рассказывать о новом фильме. Главное в таких вещах — просто говорить.

В общем, успокоила я Маринкиного мужа и с чувством выполненного долга по спасению очередной ячейки общества отключила звонок, виртуозно щелкнула пальцами и победно обернулась в офисном кресле вокруг своей оси. Тогда я еще не знала, что именно этот маленький разговор ни о чем станет для меня вообще последней спокойной беседой.

Нет, все-таки в таких вещах я действительно профи и даже сама начинаю верить в то, что так убедительно говорю. Тем более что многоуважаемый Борис Эдуардович Гранов не станет такие деликатные вещи о своей жене перепроверять у людей, не умеющих держать язык за зубами и распускающих сплетни по всему городу. В этом деле он доверяет только мне. Особенно после того, как я ему сообщила, что зуб Марине рвали без наркоза, а деньги на стоматолога она пожертвовала от лица их семьи на женщин «Авроры», пострадавших от последствий корпоратива. Ну, если по-честному, ее шампанское и закуски от кейтеринга были очень в тему.

Убедить, что в нашем офисе никому, кроме меня, Гранову нельзя доверять, после этого было несложно. И как ценному источнику информации Маринин муж даже передал мне к 8 Марта годовой абонемент в спа. Я зафиксировала это как намек на долгосрочное сотрудничество и начала приглядывать за его Маринкой.

В общем, дела у нас в целом шиты-крыты, и мало кто догадывается, что во время своих семейных отгулов высокая загорелая Марина Викторовна с лебединой шеей и длинными ногами от талии уезжает действительно в соседний город, как и верит ее муж.

Вот только командировок туда, как, собственно, и сложных клиентов в этом районе, у нас отродясь не бывало.

Зато в двухстах метрах от вокзала стоит чудесный четырехзвездочный отель с красивыми сводчатыми окнами в крыше.

Выйдя из поезда, Марина воровато озирается по сторонам, чтобы убедиться, что за ней нет хвоста. Щеки ее в этот момент чуть подернуты румянцем, глаза горят от возбуждения.

В полной уверенности, что все чисто и слежки нет, Марина ныряет в неприметную боковую дверь отеля и, стараясь не палиться, быстро забирает ключ от номера на ресепшене.

Все, кто случайно видит ее в этот момент, уверены, что Марина скрывает от мужа и семьи свой роман с директором гостиницы — красивым тридцатипятилетним сербом Зораном. Потому что он мужчина видный и неженатый. Поэтому в целом гипотеза рабочая.

Но ты уже понял, что нет у него никакого романа с Мариной, а та, проскользнув в номер, закрывается на ключ, зачем-то баррикадирует дверь, которую открывает в эти дни только ради продуктов у двери, и два дня подряд читает книжки и смотрит сериалы.

Чаще чередует, но бывает и одновременно читает под фильм, поглощая тонны готовой еды.

Ты, конечно, сейчас сомневаешься в правдоподобности происходящего и скорее думаешь о том, что версия про роман с черноволосым статным сербом куда правдоподобнее. Но, прости, мой дорогой и единственный друг, серб уже занят мною.

Он показывает в это время мне очередную порцию видео с камер наблюдения, где Марина, словно шпионка, уходит от преследования, стараясь как можно незаметнее попасть в номер 312. Не знаю почему, но она всегда бронирует именно его.

А еще Зоран... Конечно, Зоран, ну сам подумай, как его еще могут звать? Милош было бы чересчур, Душан мог бы быть душлилой. Поэтому нет: моего серба зовут Зоран.

И когда я говорю «моего», то имею в виду именно то, что и сказала.

В общем, как ты понимаешь, мне в целом удается держать все в офисе и жизни под контролем, как и полагается исполнительному директору. Работа на шефа давно научила меня виртуозно жонглировать чужими тайнами и секретами без особого напряжения. Я решила — не пропадать же такому таланту — и стала безвозмездно помогать и по другим направлениям. Кажется, никто в офисе, кроме меня, не знает всей правды.

А я не привыкла делиться тем, что знаю, вообще ни с кем. Ну, кроме тебя, разумеется.

Так что, если меня когда-нибудь и выдаст кто-то, то это будешь ты. Кстати, по статистике чаще всего предадут самые близкие друзья.

Именно поэтому я выбрала тебя, мой зеленый молчун.

Есть какая-то искренность в том, как ты меня слушаешь, не перебивая. И к тому же ты точно не сможешь от меня уйти.

В общем, наша с тобой дружба рушит любые стереотипы. К тому же, если какой-то идиот женился на собственной кошке или оставил все состояние псу, почему бы мне не сделать лучшим другом симпатичный зеленый фикус среднего размера и возраста?

Закончить свою мысль я не успела, хотя как раз собиралась сказать что-то важное. Пространство заполнили протяжные завывающие звуки сирены за окном, а на экране компьютера тревожно замигало сообщение.

Я вывела на экран камеру из нашего холла и чуть не выпустила кружку с кофе: там, как у себя дома, разгуливали с десяток полицейских и такая же куча операторов и фотографов.

Глава 2. Шторм

Больше всего в жизни я ненавижу свою фамилию. Это мамочка постаралась — наградила звучным именем в память о мужике, который оказался шустрее других и умудрился стать моим отцом. Я, правда, его не видела ни разу, да и, признаться, не больно хотелось.

А вот фамилия, вписанная не дрогнувшей материнской рукой в документы в роддоме, стала настоящей проблемой. В школе дразнили, в институте шутили, на работе ухмылялись. Пока я не стала исполнительным директором.

С тех пор все наладилось, но, несмотря на это, каждый раз вздрагиваю, слыша ее.

В офисе давно привыкли и без нужды мою фамилию не упоминают. Дарины Сергеевны вполне достаточно для решительно любых вопросов. Шеф называет Дариночкой — но ему можно.

А еще я ненавижу полицейских. И скорую помощь.

Скорее всего, потому что в моей жизни ни те, ни другие никогда не приехали, когда было нужно, зато всегда врывались, когда их точно никто не звал.

Подозреваю, что в этот раз снова перепутали адрес. Так уже было год назад, когда они обрабатывали штурм здания с заложниками, и какой-то идиот решил, что им сюда.

Дальше вообще нелепость на нелепости, но я потом в виде извинения получила цветы и приглашение на ужин от майора из группы захвата. Так себе развлечение, честно говоря. Особенно если учесть, что весь вечер он не спускал глаз с вращающейся входной двери и подозрительно оглядывал каждого официанта.

Я боялась, что попросит его попробовать каждое блюдо перед тем, как разрешит мне есть.

В общем, ты понял: я не против порядка или медицины. Я исключительно не люблю тот кавардак в жизни, который всегда следует за их появлением.

— Не уходи никуда, я скоро, — я подмигнула фикусу с блестящими зелеными листьями на моем столе и уже хотела идти вниз разбираться, как двери моего кабинета распахнулись, а на пороге появился знакомый мужик в форме:

— Дарина Сергеевна Шторм?

— Так точно! Не замужем, не привлекалась, не имею. Для тебя можно просто Дарина. Неудачное свидание дает определенные преимущества в общении.

Лицо майора оставалось напряженным, и я решила немного ему помочь.

— Это ты так решил меня снова на ужин пригласить? Эффектно, конечно. Но мог бы и позвонить.

— Чего?

— Но должна предупредить: я теперь в отношениях. Так что поужинать можем, только без всех этих глупостей, ладно?

Он моргнул, потом второй раз снова моргнул и молча показал удостоверение.

Кажется, ужин все-таки отменяется.

Но я отметила, что из всех моих романов, пусть даже таких коротких, как тот ужин, многослойностью отличался только Зоран. Но, кажется, сегодня я его не увижу.

— Дарина Сергеевна, вам придется поехать с нами.

Я недоверчиво посмотрела на свой фикус:

— А может, и не отменяется. Оригинально, однако, решил майор девушку пригласить.

— Я надеюсь, я не арестована, но если вдруг — то наручники предпочту розовые. Знаешь, мягкие такие продаются.

Майор мой покраснел и потер затылок.

— Я серьезно, Дарина. Я же по делу.

— По какому делу?

— Ты что, не смотрела новости?

— Ты серьезно? Прямо так уверенно заявляешь, словно я каждую пятницу включаю новости и не отрываюсь до последнего сюжета. У девушек по пятницам бывают другие планы. Я, между прочим, на свидание собиралась, когда ты как очумелый со своими влетел. Так что там в новостях?

— А где твой шеф?

— Вот только не делай вид, что тебе интересна моя работа. Шеф там, где ему и полагается быть. В Дубае.

— Хм. Собирайся, в общем, Дарина. Бери, что тебе надо, и поехали.

— Из того, что мне надо, собственно, только фигус. Но мы же его не потащим? — кокетливо подмигнула я смущенному майору, доставая сумочку из стола.

Выключила свет, повернула ключ и решила: в любой непонятной истории главное — не сопротивляться.

Майор Тифлисов (а в простонародье просто Вадик) хмуро смотрел в пол и напряженно вытягивал губы, словно решая — стоит мне что-то сказать сейчас или потом.

— Слушай, Вадик, скажи честно, у вас в отделе конкурс на лучший способ пригласить женщину на свидание? Или что?

Тифлисов отвернулся молча.

Нет, в нем точно есть что-то от моего зеленого друга. С той только разницей, что фигус от меня никогда не отворачивается, если я с ним разговариваю.

— Или вы кино снимаете, и вам нужна массовка? — я решительно не собиралась сдаваться. Сейчас, знаешь ли, стало очень модно всем снимать кино. Прямо тренд. Небось и ваш генерал мечтает кино про полицию получить. Так вот — я не гожусь для массовки. У меня лицо слишком характерное, понимаешь?

Мой майор даже не пошевелился.

Собственно, на прошлогоднем свидании все было примерно так же. Он озирался вокруг, рассматривал систему безопасности, подозрительно оглядывал зал, уточнял что-то про исправность пожарных огнетушителей у официанток и все остальное время практически все время молчал. Односложные ответы типа «да» и «нет» не считаются.

Я потом долго разбирала со своим фигусом, о чем вообще было наше свидание и что нужно спрашивать у мужчины, чтобы он хоть раз в жизни ответил предложением.

Все же мужчины любят говорить о себе, не так ли?

Так я у него и спросила, с выражением восхищения, как полагается:

— А правда, что ты отмечен медалью «За доблесть»?

Тут-то я и поняла, что Тифлисов безнадежен. Он посмотрел на меня так, будто я предложила ему спеть гимн в караоке, и буркнул что-то типа:

— Было дело.

И снова уткнулся в меню.

Вот и сейчас — тот же взгляд, та же бетонная осанка и тот же уровень обаяния, что у шкафа для улик.

Нет, все-таки хорошо, что с моим сербом все иначе. Зоран — золото по сравнению с таким чурбаном. Вот только кто бы знал, что уже через пару часов мой золотой серб подождет губы и станет таким же немногословным.

А может, это такая эпидемия? И скоро все мужчины разучатся разговаривать?

С другой стороны, оно, может, и неплохо.

Мне казалось, что я еще пока контролирую ситуацию, хоть мы и неслись уже по проспекту в машине с проблесковыми маячками.

— Вадик, ну давай уже рассказывай, что там где стряслось у вас и что это за похищение из офиса среди бела дня?

Я посмотрела на пронсящиеся за окном сверкающими огнями и переливающимися вывесками высотки и исправилась:

— Среди темной ночи. Вечером, короче. Не важно...

Майор моргнул, но не ответил.

— Слушай, ну хватит уже! Тебя что, не учили: если посадил к себе девушку в машину, будь добр с ней разговаривать? Элементарная вежливость... Нет, не слышал?

— Слышал, — коротко бросил он.

Я закатила глаза.

— Ну вот, прогресс! Уже целое предложение. Правда, по-прежнему из одного слова. Ну давай, не останавливайся: может, к концу пути еще улыбнуться получится. Видишь, это не трудно. А куда мы, кстати, едем?

Я проводила взглядом последние дома и нахмурилась, заметив указатель с названием города, который сегодня так настойчиво повторяла мужу Марины Викторовны как место ее командировки.

Неужели наша тихоня куда-то вляпалась? Или муж все-таки узнал, что никакой производственной необходимости в отсутствии жены не было?

Надо срочно позвонить Зорану, вдруг он уже в курсе.

Нащупала в сумочке телефон и быстро достала, на ходу разблокируя экран. Количество неприятых звонков и сообщений за последний час было каким-то ненормальным. Особенно для вечера пятницы. Больше всего напрягали неизвестные номера.

Значит, что-то действительно произошло.

Вот только — что?

В конце концов, если уж я могу разговаривать с фикусом, то и из полицейского выжму хоть пару слов.

— Положи телефон. — Лицо майора было по-прежнему напряженным.

— Я не это имела в виду, когда хотела, чтобы ты что-то сказал.

Он слегка поджал губы, словно подавляя улыбку. Я недоверчиво нахмурила лоб: нет, показалось. Это у него, похоже, нервный тик.

— Ладно, Вадик, давай серьезно, — я постаралась сменить тон, чувствуя, как внутри становится холодно.

Наша машина повернула по хорошо знакомому маршруту несколько раз и через полчаса наконец остановилась у крыльца четырехзвездочной гостиницы, где я знала все входы и выходы.

— Не зря твоя фамилия — Шторм. Вот уж точно спокойствия с тобой не бывает.

— Вот это ты зря сейчас. Ненавижу тебя за это, — вполне искренне и уже не притворяясь выпалила я. — Говори, что случилось! Хватит уже!

— Выходи. Хочу, чтобы ты опознала здесь одного пассажира.

— Какого еще пассажира? — я почувствовала, как ладошки покрылись холодным потом, вспоминая, как один мамин ухажер из этой же среды называл так всех подряд: и убийц, и убитых, и случайных залетных.

— Опознать? — я прямо слышала, каким глухим стал мой голос. Но внутренне все еще цеплялась за надежду. — Вадик, если ты сейчас выведешь какого-нибудь пьяного туриста из бара и скажешь, что я с ним училась на потоке в институте, я тебя убью.

Майор коротко кивнул на дверь и пропустил меня вперед.

Холл, так же как и у нас в офисе, был заполнен людьми с камерами вперемешку с полицейскими. Рация на Тифлисове ожила, и из услышанного я поняла, что третий этаж оцеплен и туда никому нельзя.

Мы вошли в лифт, и я отчетливо услышала, как мое сердце выдает ритм, как у чечетки.

Вадик нажал на третий этаж и вздохнул. Многозначительно пожал плечами, словно извиняясь, что мне приходится через это проходить.

Я выпрямилась, как на совещании у шефа, поправила блузку и мысленно прикинула, кому и что скажу, когда начнут задавать вопросы.

В конце концов, я умею держать лицо и выжила целых три года в нашем офисе, а это тот еще серпентарий. Одна бухгалтерия чего только стоит... До меня на этой должности, кстати, никто не продержался больше полугода. А я уже профессионально жонглирую чужими тайнами и секретами тридцать шесть месяцев, две недели и четыре дня.

Хотя в «Авроре Девелопмент» можно год считать за полтора, исходя из вечных интриг, проблем и сплетен.

Так что просто так нас не победить, как говорит мой шеф.

Хорошо ему там. Небось уже доехал до своей берлоги и развел костерок. Сидит теперь с томиком какого-нибудь малоизвестного философа, размышляет о брэнной суете мира и о том, зачем мужчине такая красивая жена.

У Романа Павловича жена была и правда красивая. По крайней мере пятая. Предыдущих четырех я не застала и чести познакомиться не имела. Но пару раз общалась с ними по телефону. Как говорится: «все они как на подбор, с ними дядька Черномор». В роли дядьки выступал любой прокаченный юрист, съевший собаку на разводах с богатыми мужиками.

В общем, умеет шеф выбирать. Наверное, поэтому и на Ладогу свою время от времени убегает.

Вот не вовремя в этот раз уехал. Был бы здесь, вместе проще бы все разрушили. Ее бы, с такими знакомыми, как у него.

Ну да ладно. Пусть сидит на своей Ладоге. Мы сами с усами.

Тьфу ты... к счастью, только в речевых оборотах. Перед глазами возникла на этой мысли Куница из бухгалтерии. Вот там усы — всем усам усы. Про лазерную эпиляцию, видимо, не слышала. Ну и ладно.

К моменту, как двери открылись на третьем этаже, я уже вполне пришла в себя и была готова к любому повороту событий. Кроме, разумеется, такого.

Глава 3. Номер 312

Лифт дернулся, и я невольно качнулась к Тифлисову, задев его грудь. Неловко, конечно, вышло. Майор снова покраснел. От него пахло улицей и чем-то металлическим, очень мужским. От Зорана всегда пахло дорогим парфюмом, уверенностью и шармом, если обаяние может иметь запах.

Странно было только одно — это был отель Зорана. А сегодня его нигде не было. Но почему его нет нигде поблизости, если весь отель кишит полицейскими?

— Ты хоть скажи, кого я должна увидеть, чтобы морально подготовиться: знакомый? клиент? бывший? Марина?

— Бывший? — майор скосил глаза, и уголок его рта чуть дрогнул.

«Точно тик», — подумала я.

На табло вспыхнула цифра «3». Лифт открылся. Двое полицейских замерли у комнаты с номером 312.

— Значит, все-таки Маринка, — вздохнула я, представляя распластанное на полу холерное тело нашей подарочной сотрудницы.

— Откуда ты знаешь? — наконец хоть что-то сказал Вадик.

— Работа такая — знать все, что происходит в офисе. Похоже, ты по адресу.

Я машинально выпрямилась, будто перед камерами на премии, и попыталась натянуть улыбку. Профессиональный инстинкт, мать его. Если уж встречаться лицом к лицу с ужасом, то хотя бы при безупречном макияже и на шпильках.

— Пошли? — тихо спросил Вадик.

Я кивнула и, как на автопилоте, вошла в номер, где уже знала, кого увижу.

Но к такому жизнь меня не готовила.

На полу, распластавшись в нелепой позе, одетый как для дороги, лежал мой шеф, Роман Павлович.

— А говорила: в Дубае... — промычал Тифлисов. — Видимо, ты не все в своем офисе держишь под контролем.

Я уставилась на тело, не в силах поверить, что это действительно он.

Роман Павлович. Мой шеф. Человек, ради которого я уже три года строю параллельную вселенную, где он ведет переговоры с шейхами, а не прячется от всех на Ладого в хижине без связи.

— Дарина? — тихо спросил Тифлисов.

— Да, — выдохнула я. — Это он. И да, на случай, если ты будешь спрашивать: он был жив, когда я видела его в последний раз.

— Когда это было?

— Сегодня утром. Он собирался... ну, как обычно.

Я прикусила язык. Сказать «в Дубай» сейчас звучало бы как признание в идиотизме.

— В поездку, — добавила я уклончиво. — У нас проект. Инвестиции. Арабские Эмираты. Все серьезно.

Майор вскинул бровь.

— Тогда что он делает на полу в четырехзвездочной гостинице, мать его, в двухстах километрах от аэропорта, с удавкой на шее?

— Откуда я знаю? — сама вижу, что что-то пошло не так. Пока не понимаю, что именно. — А где Марина?

— Откуда ты знаешь про Марину? У них роман был?

— С кем роман? Роман с Романом? — я хмыкнула. — Зачем нашему Роману Павловичу при живых пяти женах еще проблемы с Маринкиным банкиром? Не было у них никакого

романа. Марина сюда пару раз в месяц отсыпаться и отдохнуть от семьи приезжала. Детокс от кухни, называется. Слышал про такой?

— Детокс, значит, — хмыкнул Тифлисов, покосившись в сторону тела. — Ну да... выглядит очень оздоравливающе.

— Сарказм тебе не идет, Вадик. У тебя юмор на уровне клиента в коме. Так что лучше не надо. Оставь профессионалам.

— Когда есть о чем, так можно и поговорить. Пойдем, пообщаемся немного под протокол.

Я прижала ладони к сумке, как к спасательному кругу. Но блокнотик остался в столе, а с ним — все подробности предыдущих «дубайских поездок» шефа. Да и стоит ли продолжать скрывать Ладогу, если все зашло не пойми куда?

Может, стоит рассказать про хижину? Подумаешь, мужик уезжает из города, чтобы немного почитать старых философов. Никому же не мешает.

Хотя нет. Похоже, кому-то все-таки мешал.

И в такое время. Как назло, ну честное слово. Все так хорошо шло! Кредита хватало не только на зарплаты, но еще и на корпоративы и даже премии. Штат был полностью укомплектован, и все воодушевленно ждали, когда поедут на проект века в Дубай.

Я вздохнула и почувствовала, как мне сейчас не хватает моего зеленого друга. Хоть бы посоветовал что. А теперь придется решать самой.

Нет. Правду рассказывать нельзя. Она еще никому не помогала.

Если выяснится, что я с самого начала вру всем про Дубай, меня сожрут свои или арестуют Вадиковы. Хотя бы за подлог документов и липовые командировочные.

И не спрашивайте, как мне удавалось все оформлять три года. Как говорится: если шеф очень просит, то я не умею таким людям отказывать.

— Дарина, ты уверена, что видела его утром? — Тифлисов провел меня в вип-комнату для гостей, выделенную отелем для дознания.

Странно, что Зорана нигде не было видно.

Я пересеклась глазами с портье в коридоре и глазами спросила: «Где все?» Но, кажется, сегодня все играли в моего фикуса.

Раньше мне казалось, что молчание красит людей. Оказалось — казалось.

— Так что? — майор с удивлением смотрел на меня в упор.

— Что? А, да. Абсолютно. Он был жив, здоров, раздражен, как обычно, и очень доволен собой. Все совершенно, как всегда. И если ты хочешь, чтобы я сказала, что с утра у него были подозрительные тени под глазами, он держался за сердце, а из кармана торчал рулон бичевки, то нет, Вадик. Вообще нет. Все было совершенно обычным.

— А когда возникла эта командировка?

— Ну, может, только вот это. Шеф нередко менял планы.

— Так когда?

— Довольно внезапно.

Я всегда знала: врать нужно близко к правде и избегать ненужных подробностей. Если бы я не была в этом профи, то наверняка наплела бы с три короба про то, как все было спланировано заранее, как я забронировала гостиницу за три месяца на сайте по этому адресу и еще бы упомянула тьму никому не нужных деталей, под которыми попыталась бы спрятать факты.

Но я была мастером высшего уровня и не давала лишней информации.

— И ты не удивилась?

— В мои обязанности не входит удивляться. Я просто привычно все оформила и переключилась на текущие вопросы.

— Кто инициировал эту командировку? Сам Верещагин? Или партнеры из Дубая?

— Роман Павлович мне не докладывал. Теперь сложно сказать.

— А как это было обычно?

Обычно шеф говорил: «Дариночка...» — да, именно с такой интонацией — «подготовь на Дубай через две недели все».

— Какие у вас были отношения с Верещагиным?

— Хорошие. Он ценил мой профессионализм.

— Так и говорил?

— Не всегда нужно говорить. Иногда и так понятно.

— Вооот.

— Так с чего ты решила, что он именно ценил?

— С того же, что и ты извинялся, когда на ужин потащил. Причинно-следственные связи, Вадик. Все же очевидно.

— Давай по делу. Ты хорошо знала шефа? — его взгляд стал внимательнее.

— Я не экстрасенс. Но достаточно, чтобы офис работал, а он мог спокойно заниматься своими... проектами.

— Так почему он не поехал в аэропорт?

— Я же сказала, что не гадаю и эзотерикой не занимаюсь.

— А я вот могу предположить, — он откинулся на спинку кресла. — Может, потому что сегодня не было рейса в Дубай?

Воздух в комнате на секунду стал плотным, как сироп. Я моргнула, глотнула тишину и улыбнулась.

— Вот ты сейчас так сказал, Вадик, будто это я новенькая, и если нет рейса, мы остаемся в пролете. В Дубай нет, зато есть в Стамбул. А оттуда — в Дубай. Бинго. Прикинь?

Тифлисов откинулся на спинку кресла, уставился в потолок, постучал пальцами по столу.

Я скрестила под столом пальцы и мысленно вспоминала, в какие месяцы в Стамбул от нас летали самолеты ежедневно, а в какие — только по четвергам и субботам.

Тифлисов потыкал что-то в телефоне и кивнул. Потом убрал телефон и посмотрел на меня без иронии.

— Я уже видел, как люди «просто оформляли документы». Потом кто-то оказывался на кладбище, а кто-то — в списке подозреваемых.

Мне стало не по себе от этого его тона. Раньше у нас всегда инициатива была за мной. Теперь он выглядел как рыба в воде, а мне приходилось из всех сил держать себя в руках.

— Ладно, — вздохнул он. — Самое время поговорить про Марину. Ты ведь о ней волновалась с самого начала.

— Я? Волновалась? Ни о ком я не волновалась. Просто Марина же всегда этот номер берет — вот я и подумала.

— То есть ты знала, что она в отеле не в первый раз?

Я развела руками и всем своим видом показала, что он злит в корень.

— Давно?

— Ну... примерно с первого раза. Ее банкир тогда сразу позвонил: действительно ли Марину отправили в командировку.

— И что?

— Ну не будешь же ты меня осуждать за то, что я не выдала бедную женщину.

— С чего бы ей быть бедной? Она жена банкира.

— А ты когда-нибудь убирал дом на девятьсот пятьдесят квадратов? Или готовил двум избалованным детишкам, которые отказываются есть одно блюдо, и каждому нужно готовить персонально? Ну и папе, разумеется, тоже нужно готовить отдельно: у него печень, селезенка и все остальное, что страдает от бизнес-переговоров первым.

— У них что, нет домработницы?

— Банкир против. Он верит, что святая обязанность жены — хранить очаг чистым, а членов семьи довольными.

— Тебя послушать, так просто несчастная, замученная мужем-тираном женщина.

Майор достал пачку распечаток из интернета, где Марина нежится в бикини на борту белоснежной яхты, пьет шампанское с подругами, получает подарки от мужа. Листов сорок не пожалели на это все. Правда, с обратной стороны распечаток были напечатаны протоколы допросов неизвестных несчастных.

— И не жалко вам бумаги. Ты же говорил, что во всем нужна экономия.

— Так мы на черновиках. И по делу.

— Небось сам печатал, пялясь на Маринкину грудь?

— Дура.

— Сам такой, — сказала я и откинулась на спинку стула. — Ты, кстати, не ответил. Где она?

— Кто?

— Не строй из себя крутого следака из сериалов. Вадик, где Марина?

Он медленно отложил распечатки, переплел пальцы и посмотрел прямо в глаза:

— Ее ищут.

— Что значит «ищут»? — я попыталась сделать вид, что мне все равно, но голос прозвучал чуть выше, чем хотелось.

— Телефон не отвечает, на парковке машины нет. Номер оплачен на сутки вперед, но в постели не спала.

— В смысле? Как это?

— Есть сквозная дверь в соседний номер. И потом еще в один.

— То есть она заходила в номер, а потом через пару номеров выходила? Дичь какая-то.

Зачем ей это?

— Вот в этом и вопрос. А как она вообще как работник?

— А как у тебя в участке жалюзи, как сотрудник?

— Жестко ты к ней.

— Слушай, давай по-честному. Если Марину Викторовну нужно было сделать директором по связям с общественностью, то мы и сделали. Высока ли эта плата за кредит на проект, который однажды принесет миллионы? Она же есть не просила. Тихая, красивая. На любые переговоры не стыдно за стол посадить. Красивую картинку все любят.

Я скосила глаза на распечатки в купальнике, и майор покраснел.

— Кроме тех, кто потом разгребает последствия ваших красивых картинок, — буркнул он и принялся старательно что-то строчить в блокноте, отвернувшись от меня. Нет, в чем-то мы с ним все-таки похожи. Вот, блокнот у Тифлисова тоже есть...

Мои мысли прервало шипение его рации:

— Мы обнаружили серба. Куда вести?

— Что значит «обнаружили»?! — взорвалась я. — Он вообще-то директор отеля здесь!

— Тихо, — цыкнул на меня Вадик и посмотрел так, словно я не понимаю, о чем говорю.

Такого унижения я давно не испытывала.

— Так, первый пошел, значит... — Вадик поджал губы и отключил рацию. — Никуда не уходи, я скоро вернусь.

Потом он заметил мой взгляд и достал из стопки распечаток единственный чистый с обратной стороны лист. Я прямо представила, как расстроился Тифлисов, когда заметил среди черновиков его.

— Вот. Напиши пока все, что помнишь про это утро в офисе. И особо про отношения шефа и Марины со всеми остальными.

— Что, прямо на ее бикини? — я неуверенно посмотрела на майора. — Может, я с тобой пойду, там и бумаги чистой писать попросим?

— Ну уж дудки. Пиши. И еще напиши все, что знаешь про этого серба.

Тифлисов закрыл за собой дверь на ключ, и я села писать на обратной стороне красивой Маринкиной жизни. За глаза я всегда ее звала Маринкой для удобства. В офисе, конечно, она была для меня Мариной Викторовной.

— Что я знаю про Зорана? Тоже мне. Какой вопрос — такой ответ.

Я решительно взяла ручку в руку и написала чистосердечное признание по поводу того, что я знаю о Зоране Марковиче. Первым делом я написала, что он делает идеальный кофе. Как раз такой, как я люблю, с пенкой, и добавляет в него корицу. Он любит делать комплименты. По крайней мере, успевает выдать четыре приятности за сорок минут общения. Стоит ли писать, что фамилия у него красивая и я уже несколько раз примеряла ее к имени Дарина?

Нет, пожалуй, про это не стоит.

Мои пальцы стали отбивать настоящую барабанную дробь на столе. Надо было что-то срочно делать, только было совершенно непонятно — что.

К тому же меня мучил тот же вопрос, что и Тифлисова: как Роман Павлович оказался в отеле? Я даже не знала, что он в курсе существования этого пристанища туристов и сырых путников. Фигус бы оценил художественность моих образов.

Я отложила ручку. Но самое главное — это, конечно, вопрос, что мой шеф, который должен был рыбачить и читать в одиночестве на Ладого, делал в номере 312, который всегда бронировала Маринка. И где в это время была наша директор по связям с общественностью.

Я была уверена, что и в этот раз номер забронирован на ее имя, и именно поэтому ее ищут.

А что если Марину тоже убили? Или наоборот: что если убила она?

В этот момент мой телефон завибрировал и высветил три буквы: МВП.

Я вздрогнула. Нет, это не морская военная пехота и не что-то другое. Аббревиатура расшифровывалась как Марина Викторовна Подарочная. В офисе никто ее не звал по фамилии. Вроде она не меняла девичью. И если фамилию ее мужа мы помнили все, то помнить Маринкину необходимости не было.

Я ответила и сразу услышала сдавленный шепот, как после спринта.

— Дарина. Не говори. Слушай. Мне нужна ты.

Я сглотнула и повернулась к окну.

— Марина? Где ты?

— Нельзя по телефону. Здесь внизу, возле прачечной, в служебном коридоре. Придешь?

Я знала все коридоры отеля. Гости в прачечную не ходят. Марина — тем более.

Откуда она знает путь без указателей?

Глава 4. Мастер дипломатии, лжи и кофе без сахара

Если бы все люди были честными и честно представлялись при знакомстве, мое приветствие могло бы звучать так: Привет, я Дарина Шторм, исполнительный директор «Аврора Девелопмент», мастер дипломатии, лжи и кофе без сахара. Никогда не ищу неприятности, но они сами находят меня между совещанием и подписанием договоров.

Честность, впрочем, никогда не была моей сильной стороной. Зато она по-честному не раз помогала выживать и чувствовать себя вполне сносно в любых обстоятельствах.

Сейчас встречаться с Мариной, конечно, было опасно. Но упустить возможность разобраться в происходящем я тоже не могла.

Ручка двери неловко дернулась, и после поворота ключа снаружи дверь наконец открылась. На пороге возник майор. Тифлисов был явно не в настроении.

— Нашли.

— Марину? — вскинулась я.

— Твоего серба.

— И что он сказал?

— Что у вас роман уже восемь месяцев, — нахмурился майор.

Черт. Кажется, наше с Вадиком свидание было семь месяцев назад. Ну и ладно. Я ему ничего не обязана.

Я сложила пополам, как от боли.

— Слушай, Тифлисов, ты вообще зверь. Закрыв меня на ключ! А если бы у меня приступ случился? Я могла умереть! — для наглядности я схватилась за живот и скривилась. Выглядит это всегда так себе, но, в конце концов, замуж за Вадика мне не выходить.

— Ты написала то, что я просил?

— Начала... — мой взгляд упал на фото Марины в бикини. — Ай... ай... живот скрутило. Пока не схожу, сам знаешь куда, писать не смогу. Дай мне десять минут.

— Прямо десять?

— Вадик, не вгоняй девушку в краску. Надо быть милосерднее. Ты меня чуть не угробил.

Кажется, он действительно не подумал, что мне может стать плохо в закрытом кабинете, и теперь майора начинало мучить чувство вины. Метод был опробован еще на учителях в школе.

— Только быстро. Здесь рядом, через два номера.

— Ты что, хочешь, чтобы я смыла все возможные улики? Ну всё за вас надо самой думать! Схожу в служебный, он тоже рядом. — Я снова сморщилась и прижала ладонь к животу.

— Неужели тебя настолько не интересует, что сказал серб? — подозрительно скосил на меня взгляд Тифлисов.

Я закатила глаза.

— Даже не думай уйти от ответов. Через десять минут я буду в форме. И да, меня это очень даже интересует.

Он еще раз окинул меня взглядом, но все же кивнул.

Я выскочила в коридор, и ко мне тут же подскочили два полицейских. Но Тифлисов, выглянув следом, их остановил:

— Она сейчас вернется. Потом пропустите ко мне.

Я мчала вниз, перескакивая через ступеньку, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь по венам. У меня было всего десять минут на встречу с Мариной — нашей «подарочной» блондинкой, которую сейчас ищут по подозрению в убийстве.

Как такое вообще возможно?

Марина, если и могла совершить преступление, то максимум — соврать тренеру в тренажерном зале, что у ребенка перенесли соревнования и она пропустит свою. Хотя, судя по ее фигуре, и в таком она замечена не была.

Я уже представляла ее раскисшей, с размазанной тушью и опухшими от слез глазами, когда мне в нос ударил резкий запах порошка и отбеливателя. Вокруг гремели большие стальные центрифуги, раскручивая белье на невероятной скорости.

Наша холеная длинноногая блондинка знала в жизни проблемы разве что в стиле: на одной неделе показ мод в Париже и распродажа брендов в Милане, а мне не разорваться. Ну и еще — как убраться коттедж, в который муж отказывается нанимать помощницу.

Мне вспомнились мои сорок квадратов и сосед дядя Гриша, заглядывающий ко мне с одним и тем же риторическим вопросом. В животе заурчало.

Как мог наш шеф оказаться в номере Марины, если к этому моменту уже должен был сидеть в своей берлоге холостяка на Ладого? Про холостяка он, конечно, сам придумал. Ему нравилось, что хоть где-то можно забыть про пятерых жен — четырех бывших и одну нынешнюю. Теперь уже вдову.

Я всхлипнула и приказала себе собраться.

Оставалось минут восемь. Марины нигде не было. Вокруг — десятки промышленных стиральных машин, смывающих следы чужих жизней за дверью с табличкой «Только для персонала».

В эту минуту чья-то теплая ладонь легла мне на плечо сзади, и я чуть не подпрыгнула.

— Тссс, — зашипел кто-то в бесформенной байке и кепке с козырьком.

Я уже собралась мысленно отчитывать Зорана за детский труд, как «подросток» поднял бейсболку.

И я уставилась в лицо Марины.

Ни грамма косметики. Волосы стянуты. Лицо собрано. Взгляд ясный и цепкий. Ничего из того, что я представляла себе по дороге.

— Ты ожидала застать меня в истерике? — быстро сказала Марина и оглянулась. — Прости, но не сегодня. Сюда. Встань за машину.

— Зачем?

— Сюда не добивают камеры.

— Откуда ты знаешь, куда они добивают?

— Не важно. Сколько у нас времени?

— Минут семь... Почему ты так уверена, что я не сдам тебя?

— Потому что ты не дура и понимаешь, что нас обоих использовали.

— Кто? — я уставилась на Марину с видом той самой дуры, на которую, по ее мнению, не должна была походить.

Она отмахнулась, давая понять, что нет времени на ерунду.

— Как он оказался в твоём номере?

Марина не ответила и достала из кармана сложенный лист формата А4. Я сразу узнала почерк шефа. Заподозрить Романа Павловича в любви к каллиграфии было сложно, но в этот раз это точно были каракули: непонятные ряды цифр, закорючки и сегодняшняя дата. А еще надпись: проверить Дарину.

— Откуда у тебя это?

— Было у него в кармане.

— Ты что, обыскивала труп шефа? Уже после того, как...

Марина нахмурилась, снова кинула взгляд назад и достала из-под байки несколько фотографий.

— Ух ты, — только и смогла выдохнуть я. — Как? Вы что, у меня за спиной спутались со Светланкиным йогом?

— Тихо. Кто-то подбросил это в номер. В 312-й. Коллаж. Снимки не настоящие. Я этого Светозара раз в жизни живьем видела.

— Где и когда? — во мне говорила обида на то, что меня провели и я узнала последней, что творилось под самым носом.

— Вчера. В баре. У него был мастер-класс, он ночевал здесь.

— Марина, тут тебе даже я не поверю. Случайности не случайны.

— Кто-то хочет меня подставить.

Я внимательно посмотрела на Марину. Вот бы Светлана удивилась, узнай, что пока она шлет мужу фотки мифических веганских бутербродов из «Хабаровска», ее благоверный светится в коллаже с женой банкира. Но ей точно не надо об этом знать. Пусть пока жует свои бургеры в счастливом неведении.

— А я почему должна во все это вмешиваться? Соккрытие преступника равно соучастию. Марина чуть склонила голову, словно прикидывала, сколько мне можно сказать.

— Ты правда думаешь, что ты пока снаружи?

— В смысле?

— Не помнишь, что подписывала?

Я вспомнила пачки договоров с пятью визами на каждом. Чемодан бумаги в месяц. Машинальные подписи. Юристов, которые «проверяют». И то, как уверенно я всегда считала, что держу все под контролем.

От слов Марины по спине пошел холодный пот.

— Он не просто так выбрал тебя.

— Конечно не просто так! — огрызнулась я. — Я обошла двенадцать конкуренток и сразу предупредила, что варю кофе лучше всех.

— Ты, Дарина, идеальна для такой работы: схватываешь на лету, вопросы задаешь не всем и умеешь все держать под контролем. Но ты пока не поняла одного: подставляют не только меня. Ты тоже под ударом.

Мысль была неприятной. Особенно с физиономией Тифлисова, навязчиво маячившей в голове.

Мне определенно нужно было выпить кофе. Черный. Без сахара.

— Ты сегодня что-нибудь подписывала? — вдруг спросила Марина.

— Это паранойя. Я каждый день что-нибудь подписываю.

— Там было что-то важное.

— Откуда знаешь?

— Пока не могу сказать.

— А потом может быть поздно.

— Проверь документы. Все. Каждый договор, каждый платеж. Там будет зацепка.

Допустим, кто-то решил подставить Марину. Но не могли же ей подбросить в номер тело Романа Павловича вместе с фотографиями. Как он вообще мог оказаться здесь, вместо Ладоги?

— Где ты была, когда его убили?

— Не здесь, — ответила она сразу.

— Это не ответ. Если ты хочешь, чтобы я не выдала тебя и начала копать в этих зацепках, говори все. У меня осталось минуты три, прежде чем майор решит надеть на меня наручники. И подозреваю, без меховых ушек.

Марина протянула мне кнопочный телефон и записку с номером.

— Найдешь что-нибудь — напиши смс. Я приеду.

— Куда? На работу?

— Ага. Совещание проведем. Не тупи.

Я сунула телефон и бумаги в карман пиджака.

— Проверь все. Мне пора.

Она исчезла так же внезапно, как появилась, словно растворилась в порошке и горячем паре. А у меня не было времени думать.

По лестнице уже слышались шаги.

Я выскользнула в коридор и столкнулась с майором.

— Выпустил тебя на десять минут.

— Не в ту дверь вошла. Заблудилась. Извини.

— Ты вообще понимаешь серьезность происходящего? У меня труп и подозрение, что это связано с вашей работой.

— В каком статусе Зоран?

— Пока не знаю. А что?

— Просто.

— А он, между прочим, не уточнял, в каком статусе здесь ты.

— Не пытайся подличать. Тебе не идет.

Майор сразу помрачнел и стал говорить еще строже. Полчаса пролетели быстро: подпись о невыезде, сухие формулировки — и вот я вроде как свободна, но с ощущением, что мне просто выдали поводок подлиннее.

По дороге к выходу Тифлисов резко остановился, и я врезалась в него плечом.

— Шторм.

Я уже собиралась огрызнуться, как заметила договор в его руках. Знакомая шапка. И моя подпись.

— Что это?

— Вот это ты мне и объяснишь. Но позже. Пока — никуда не уезжай.

— Не покажешь?

— Нет.

Тон был окончательным.

Я вышла из отеля, не представляя, куда идти и что делать. Зоран не брал трубку. Кофе хотелось невыносимо.

Горького. Без сахара.

Потому что сладкое — это для тех, кто надеется, что все рассосется само. А я знала: разбираться придется. И лучше не думать, что начнется, когда правда про дубайский проект всплывет.

Глава 5. Утро понедельника

В понедельник я вошла в офис так, как входят люди, у которых все под контролем. Каблуки я сознательно выбрала самые высокие, чтобы отсечь любые попытки беготни. Черные десятисантиметровые шпильки и такой же черный костюм с юбкой до колена были категорически не предназначены для погони за паникой, но идеально подходили для демонстрации уверенности. Укладка пережила утюжок, лак и утро моих сомнений. Макияж — в стиле «я провела выходные в спа, спала по восемь часов, пила теплую воду с лимоном и ни о чем не переживала».

Если бы в нашем городе вручали премию за лучшее утро после катастрофы, я бы точно вошла в шорт-лист.

Никто — ни один человек в этом офисе — не должен был догадаться, что последние двое суток я провела здесь, в своем кабинете, перебирая и перечитывая стопки документов за последний месяц и доверяя свои мысли зеленому другу.

Мой фикус, как всегда, оказался тем, кто умеет держать удар и выслушивать все без лишних вопросов — надежный и молчаливый, настоящий мужик без истерик.

Зорану на выходных хватало своих проблем. Я знала, если Зоран не берет трубку, значит, действительно не может. Он никогда не исчезал просто так. В воскресенье мы все же созвонились, и я, как могла, старалась поддерживать моего бедного серба.

Дальше началось то, что в нашем офисе называют «рабочим утром», а в переводе на общечеловеческий — организованный конец света. Телефоны ожили одновременно, менеджеры заходили без стука, останавливались на пороге, делали вид, что просто мимо проходили, и тут же начинали спрашивать:

- Дарина Сергеевна, а правда, что проект в Дубае теперь заморозят?
- Дарина Сергеевна, клиенты волнуются.
- Дарина Сергеевна, журналисты на ресепшене.
- Дарина Сергеевна, а что отвечать, если...

Я отбивалась словами, как умеют только те, кто много лет тренировался на совещаниях, отчетах и чужих истериках. Говорила уверенно, стараясь не делать пауз. Помогал, как и прежде, старый навык не оставлять в своей речи пространства для чужих вопросов. Но теперь мои уверенные «Работаем», «Информация уточняется», «Паниковать рано», «Все под контролем» не работали даже в те моменты, когда в них начинала верить я сама.

Один из журналистов, прежде чем я успела положить трубку, нагло спросил:

- А правда, что сегодня утром вы перевели гигантскую сумму на какое-то ИП в Грузию?

Мир сошел с ума. Ну какие большие деньги, если утром в пятницу я соскребала со всех должников на зарплату без премии. Да, случались и такие месяцы в жизни нашей прекрасной компании.

Журналистов я и раньше не сильно любила. Они шли в моем антирейтинге как раз после полиции и скорой. Но тут эти ребята превзошли себя. Кто-то уже успел написать, что «Аврора Девелопмент» теряет позиции, пятеро позвонили с вопросами. Я правда старалась сдерживаться. Кажется, только пятому выдала то, что думаю по поводу работы писак, которые сперва публикуют утром полную ложь про свертывание проекта, а через час звонят на всякий случай уточнить, правда ли это.

Моим главным словом на сегодня стало «букра». Один ухажер рассказывал, как работал когда-то с арабами, и на любой вопрос они ему отвечали: «Приходи, дорогой, букра», то есть завтра. Вот я и познавала теперь азы букраведения, обещая любые комментарии завтра. Надо было предупредить, чтобы на меня завтра никого не переключали.

Я почти взяла под контроль это утро, и в окно заглянуло солнце.

— Вот видишь, — сказала я своему другу, — мы с тобой почти справились. Отправили всех журналистов обедать, успокоили менеджеров, разобрались с полицией. Отсутствие «подарочной» Марины никто и не заметил. Про ее связь с убийством информация пока нигде не появлялась. В общем, мы с тобой молодцы.

Фигус не спорил. Он рос медленно, но упрямо и не поддавался панике. В какой-то момент мне стало абсолютно ясно, что фигус — единственный актив в этом кабинете, который точно не исчезнет к вечеру.

Я подлила ему воды и протерла красивый рельефный горшок, подаренный в прошлом году шефом.

— Переседи уже своего бедолагу, а то тесно парню с таким размахом в старом горшке. — сказал тогда Роман Павлович.

На глаза навернулась слеза. Мне правда было хорошо с шефом. Он меня никогда не давал в обиду и ценил за находчивость. Но главным вдохновителем моих решительных действий всегда был он сам. А что теперь?

В кабинет заглянула секретарь. Раньше мне казалось, что она иногда смотрит на меня с осуждением. Ну подумаешь, иногда я немного приукрашивала действительность для новых клиентов. Но кто станет за это осуждать, если такие маневры входили в мои обязанности? Зато когда я за месяц продала все квартиры в неликвидном долгострое с видом на старое троллейбусное депо и вся «Аврора» наконец получила премии, в глазах Сирены появилось уважение.

Не смейтесь, Сирена — действительно настоящее имя этой немолодой полноватой брюнетки со стрижкой под мальчика. В общем, мы сработались.

— Дарина Сергеевна... тут к вам приехали. — Кто? Опять журналисты? — напряглась я. — Борис Эдуардович Гранов, глава правления «Банка Стратегии Роста».

Муж Марины. Банкир. Человек, который никогда не приезжал к нам в офис, и даже на подписание документов по нашему кредиту для дубайского проекта мы ездили к нему сами.

— Выпускайте львов, — вздохнула я и обреченно кивнула Сирене. — Приглашай тогда, — Сирена распахнула дверь.

На пороге стоял единственный человек, на вопросы которого у меня вообще не было ответов.

Я не успела сказать ни слова, когда Борис Эдуардович сам прошел в кабинет — как человек, привыкший входить везде так, словно его давно ждут.

Он был из тех мужчин, которые не повышают голос и не делают резких движений. Опора. Стена. Такие не давят словами и не буравят взглядами. Они просто стоят — и ты сама начинаешь выравниваться по вертикали.

— Доброе утро, Дарина Сергеевна, — сказал он спокойно. — Надеюсь, я не слишком не вовремя.

— В нашем офисе вообще нет такого понятия, как «невовремя», — ответила я и указала на кресло. — Всегда вам рады.

Он сел, положил руки на подлокотники и посмотрел на меня внимательно, без спешки. Так смотрят люди, которые уже все знают и просто проверяют, совпадают ли версии.

Я мысленно начала прикидывать, что именно он знает о связи Марины и убийства Романа Павловича. И в курсе ли, что его жена уже не в командировке, а «в бегах». Что же ему ответить про Марину?

— Я только что разговаривал с журналистами, — сказал он. — Не напрямую, разумеется. Через своих людей. И меня очень интересует сегодняшний платеж в Грузию.

Я подавилась чаем, который выбрала, как и он. Стратегия во всем. Такой человек был важнее в статусе друга и партнера, чем врага или контролера. А тысячи методичек по переговорам со статусными людьми учили зеркалить их действия и вкусы. Кофе подождет.

— Я думала, вы про Марину хотели узнать.

Он едва заметно повел бровью.

— Про Марину я как раз спокоен, — сказал Борис Эдуардович. — Я настоял, чтобы она уехала с детьми. Им всем это было необходимо после того, что произошло у вас в «Авроре».

— Уехала? — уточнила я максимально нейтральным тоном.

— Да. В красивое место. Море, тишина, нормальный сервис. Без журналистов и истерик. Марина не создана для таких напряжений, — он сказал это без снисхождения, скорее с уверенностью человека, который привык все решать заранее. — Ей нужен комфорт и безопасность. Она редкая райская птичка и уже отвыкла от плохого климата.

Я кивнула и постаралась отогнать возникшее перед глазами воспоминание Марины в байке и кепке среди гремящих центрифуг в цоколе отеля, где пахло порошком и не было ни сервиса, ни тишины.

— Она вышла с вами на связь? — спросила я осторожно.

— Конечно. В пятницу. Жена устала и хочет побыть с детьми. Я не стал ее дергать. Иногда лучшая забота — не задавать лишних вопросов. Водитель отвез ей чемодан прямо в аэропорт. Дети обрадовались пропустить две недели школы.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Но вы же понимаете, Дарина, что я сейчас пришел не свою семью обсуждать?

Я снова кивнула и постаралась выглядеть как можно более уверенной. Киваю третий раз за минуту. Это был уже перебор, но я не понимала, что он хочет и что мне делать дальше.

— Так вот, — продолжил Гранов, возвращаясь к главному. — С Мариной и детьми все хорошо. А вот платежи меня очень волнуют. Потому что в пятницу мы обсуждали с Романом Павловичем совсем другое. Он говорил, что уезжает на пару дней, но вы в курсе, что делать дальше.

Банкир вздохнул, видимо, как и я, вспоминая покойного.

— Неприятно, но так бывает в жизни, Дарина. Главное, что у вас все под контролем. Так ведь?

Я ничего не понимала из того, что он говорил, но соглашаясь кивала. Я была уверена, что это журналистская истерика. Что никаких «гигантских сумм» не существует. Что если деньги и были, то точно не в том объеме и в любом случае я не знала их маршрута. Хотя до этого дня верила, что контролирую в нашем офисе больше всех.

Глядя на Бориса Эдуардовича, я ясно понимала: деньги — не слух, и у шефа были какие-то планы. Вот только он не успел мне о них рассказать. Я вдруг отчетливо поняла: банкир задает этот вопрос так, будто я уже должна знать ответ.

Будто мы с ним говорим на одном языке и просто сверяем детали.

— Я только не понимаю, почему деньги пошли через Грузию? Вы уверены, что так безопаснее? — Гранов наклонился ко мне ближе.

Мне хотелось ответить вопросом на вопрос и спросить: — А вы уверены, что это вообще наши деньги и они были?

Но я, конечно же, промолчала и только широко улыбнулась Гранову, давая понять, что ну, конечно, что за вопрос.

Глава 6. Фигус тоже не ожидал

Я улыбалась Гранову так отчаянно, что к моменту, когда он наконец вышел из кабинета, губы свело судорогой, и какое-то время я так и стояла одна, застыв с идиотской улыбкой.
Это хорошо, что мой зе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.